

П. В. ВОЛОБУЕВ

МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В истории империализма в России его последний, заключительный этап — март—октябрь 1917 г. характеризуется резким обострением всех социальных, политических, экономических противоречий капитализма и грандиозным взрывом массовой борьбы революционного народа. В центр развернувшейся в стране ожесточенной борьбы классов выдвинулся вопрос о государственной власти. От того или иного исхода этой борьбы зависело разрешение всех других вопросов революции (о войне и мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне, о преодолении хозяйственной разрухи и т. д.). Характерно при этом то, что на авансцене борьбы за власть активно действовали не только политические партии буржуазии, прежде всего кадеты, но и в лице своих руководящих центров «сам» господин монополистический капитал, не желавший ограничиваться ролью закулисного дирижера.

Исследование действительной роли монополистической буржуазии в борьбе за власть позволяет глубже раскрыть движущие мотивы и цели ее политики в послефевральский период 1917 г., а также конкретно показать связанность Временного правительства интересами монополистического капитала.

* *
*

Февральская буржуазно-демократическая революция, опрокинув царизм и заодно похоронив расчеты буржуазии на сделку с ним, вынудила ее примкнуть на заключительном этапе революции к восставшему революционному народу. Руководящие буржуазные круги оказались перед необходимостью взять в свои руки государственную власть и сформировать новое правительство.

Организацию последнего, как известно, принял на себя с согласия и благословения меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Временный комитет Государственной думы.

Формируя правительство, думский комитет не только опирался на буржуазную общественность и ее основные силы — «прогрессивный блок», Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) и Земгор, но и учитывал давно определившийся реальный вес и значение каждой из них. Поскольку между этими силами организованной буржуазии и капиталистических помещиков роли были распределены, так сказать, заранее, постольку состав Временного правительства наметился, говоря словами одного из членов думского комитета «сам собой», без особых трудностей и длительных обсуждений.¹

Но хотя состав думского комитета не внушал верхам деловой буржуазии каких-либо опасений за исход дела, монополистический капитал, как подлинный хозяин буржуазного общества, не стоял в стороне при решении вопроса об организации нового, «революционного» правительства.

Как вспоминал впоследствии видный деятель монополистических кругов Юга Ауэрбах, Временный комитет Думы, формируя первое правительство, «не мог и не желал обойти торгово-промышленный класс, а, напротив, пытался привлечь его к участию в государственном управлении».² Даже в таком контексте проглядывает далеко не пассивная роль монополистической буржуазии, с волей которой в самое кризисное время должен был считаться думский комитет.

В действительности монополистические круги, несмотря на царившую во всем буржуазно-помещичьем лагере растерянность, отнюдь не ждали приглашения послать своих представителей в состав формируемого правительства, а действуя за спиной политических лидеров буржуазии, оказывали серьезное влияние на определение состава Временного правительства. Главным рычагом этого влияния был, судя по всему, ЦВПК, являвшийся в то время политическим и экономическим штабом монополистической буржуазии.

Положение было таково, что, подобно тому, как без участия кадетской партии, по свидетельству Родзянко, невозможно было образовать «устойчивый кабинет»,³ так невозможно было создать правительство без участия деятелей ЦВПК, т. е. лидеров монополистической буржуазии. Причины этого ясны. Монополистический капитал не только держал в своих руках разветвленный, охватывающий всю страну экономический аппарат, но и имел

¹ С. И. Шидловский. Воспоминания, т. I. Берлин, 1923, стр. 61.

² Революционное общество (по личным воспоминаниям В. А. Ауэрбаха). Архив русской революции, т. XIV, Берлин, 1924, стр. 36. Разрядка моя, — П. В.

³ М. В. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 48.

в лице военно-промышленных комитетов «наготове определенные общественные ячейки»,⁴ рассматривавшиеся буржуазией как скелет новой государственности.

Возглавлявшая ЦВПК московская буржуазия, будучи политически наиболее активной частью русской торгово-промышленной буржуазии, домогалась власти и не могла упустить благоприятный момент.

Обращает на себя внимание также то, что Временный комитет Думы, формируя новое правительство, стремился заручиться поддержкой банковских сфер. Так, на состоявшемся 2 марта 1917 г. совещании представителей банков комиссар Государственной думы И. В. Титов призывал банкиров «оказать содействие новому правительству». В ответ он получил заверения о готовности банков оказать думскому комитету «полное содействие».⁵

Но, пожалуй, наиболее ярким примером активного воздействия биржи на формирование Временного правительства первого состава было включение в него М. И. Терещенко. Следует в связи с этим отметить, что по поводу «неожиданного» назначения Терещенко, молодого (32 лет) и сравнительно малоизвестного деятеля, так и в мемуарной литературе. Достаточно сказать, что управляющий делами Временного правительства первого состава Набоков, человек, несомненно хорошо информированный, в своих воспоминаниях не раз указывал, что назначение Терещенко было для него «неожиданностью».⁶ Член Временного комитета Думы и один из видных деятелей февральских дней В. В. Шульгин в своих воспоминаниях оставил красочное описание этой версии о «неожиданном» назначении Терещенко. Все министры, писал он, были намечены, «но вот министр финансов не давался как клад... И вдруг каким-то образом в список вскопчил Терещенко».⁷

В действительности «неожиданное» включение в состав Временного правительства Терещенко стал возможно потому, что он, по определению Родзянко, был «крупный финансовый и популярный деятель в Киеве».⁸

⁴ Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34, стр. 2.

⁵ Известия (Комитет петроградских журналов), 1917, №№ 6—7, 2—3 марта.

⁶ В. Д. Набоков. Временное правительство (Воспоминания). М., 1924, стр. 77—78.

⁷ В. В. Шульгин. Дни. Л., б. г., стр. 183.

⁸ М. В. Родзянко, ук. соч., стр. 48. Белоэмигрантский историк С. Мельгунов объясняет включение Терещенко в правительство его близостью к заговорческим кругам, намеревавшимся сместить Николая II (С. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, стр. 178). Приведем, кроме того, весьма «оригинальное» разъяснение при-

Банкиры хотели иметь в правительстве во главе финансового ведомства «своего» человека и в результате на задний план оказались оттесненными другие кандидаты на этот пост.⁹

О деятельном участии монополистических кругов в формировании Временного правительства говорит и тот факт, что одно время министром путей сообщения намечался член Государственной думы А. А. Бубликов.¹⁰ Последний был не только видным буржуазным общественным деятелем, но прежде всего дельцом, членом Совета съездов представителей промышленности и торговли, представителем, по его собственным словам, крупной буржуазии.¹¹

Временное правительство первого созыва в полной мере отразило соотношение сил в буржуазно-помещичьем лагере, дав представительство в нем партии кадетов, «прогрессивному блоку», ЦВПК и Земгору. В него вошли как представители монополистических кругов — руководящие деятели ЦВПК А. И. Гучков (председатель), А. И. Коновалов и М. И. Терещенко (товарищи председателя), Земгора — князь Г. Е. Львов (главноуполномоченный Земского союза), А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов и А. А. Мануилов (члены главных комитетов Городского или Земского союзов, видные кадетские лидеры, первые два — члены Государственной думы). Кадеты были представлены также вождем партии, главной «умственной величиной» русской буржуазии — П. И. Милюковым.

Вошедшие в состав Временного правительства как представители монополистического капитала Гучков, Коновалов и Терещенко являлись крупными воротилами делового мира. Гучков — лидер октябристов, ведущий политический и общественный деятель буржуазии был тесно связан как с московским капиталом, так и с другими группами капитала.¹²

Коновалов — один из лидеров фракции «прогрессистов» в Государственной думе был вместе с тем крупнейшим капиталистом-мануфактуристом, влиятельным деятелем московской националь-

чин назначения Терещенко в органе Рябупинского — газете «Утро России». Оказывается петроградские рабочие знали его (Терещенко, — П. В.) как одного из виднейших работников Центрального военно-промышленного комитета. И их голос был решающим (!) при выборе министра финансов» (Утро России, 1917, 15 апреля).

⁹ Первым претендентом на пост министра финансов, по общему мнению, был А. И. Шингарев (см.: С. И. Шидловский, ук. соч., стр. 61).

¹⁰ В. В. Шульгин, ук. соч., стр. 183.

¹¹ См.: сб. «Буржуазия и помещики в 1917 г.», М.—Л., 1932, стр. 231.

¹² Гучков состоял членом правлений страхового общества «Россия» (к слову сказать, вместе с Б. А. Каменкой и А. И. Вышнеградским — главными фигурами банковского мира), товарищества Петроградского механического производства обуви «Скороход» и членом советов книгоиздательства товарищества «Новое время» А. С. Суворина и Петроградского учетного и ссудного банка. Следует при этом заметить, что в семье московских купцов Гучковых существовало своеобразное «разделение

ной буржуазии.¹³ Быстро выдвинувшийся на общественном поприще в годы войны, Терещенко — крупнейший сахарозаводчик и землевладелец, — член правления Всероссийского общества сахарозаводчиков — был одним из богатейших людей России, его состояние оценивалось в 60 млн руб.¹⁴

Соответственно своему «опыту», как люди, «близко знающие нужды хозяйственной жизни», «лучшие, достойнейшие сыны торгово-промышленной России»¹⁵ Гучков, Коновалов и Терещенко получили в свое ведение решающие военно-экономические органы государства. Назначение Гучкова военным и морским министром должно было явиться верной гарантией того, что обильный поток военных заказов не только не иссякнет, а будет более «справедливо» распределен.¹⁶ И Гучков не замедлил в первые же дни подтвердить, что «он и не думает ломать всю систему снабжения армии запасами и предполагает лишь ввести в нее некоторые коррективы, указанные потребностями самой жизни».¹⁷

Назначение Коновалова министром торговли и промышленности шло навстречу давнишним стремлениям монополистических кругов, желавших иметь во главе этого ведомства своего человека. Оно было с удовлетворением воспринято Советом съездов представителей промышленности и торговли — руководящим органом монополистов.¹⁸ Наконец, третье важнейшее экономическое ведомство — Министерство финансов было отдано Терещенко.

труда». А. И. Гучков занимался по преимуществу политической деятельностью, а его брат П. И. Гучков вел коммерческие дела, приумножая богатства семьи. П. И. Гучков являлся членом правлений полдюжины крупных акционерных обществ и совета Петроградского международного банка, т. е. был крупным дельцом — монополистом.

¹³ Коновалов являлся членом правления товарищества мануфактуры «Коновалов И. с сыном», членом совета Московского банка и членом руководящих органов предпринимательских организаций (Общества хлопчатобумажных фабрикантов и др.).

¹⁴ Вестник банков и промышленности, 1917, № 7—8, стр. 4. Не потому ли английский посол Бьюкенен, благоговевший перед богатством, считал Терещенко «одним из наиболее обещающих членов нового правительства» (Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., 6 г., стр. 209).

¹⁵ Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34. Авторы этих эпитетов: Н. Н. Кутлер — председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли и В. И. Тимирязев — председатель Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства.

¹⁶ Вопреки широко распространенному мнению, в России военный министр во время войны не ведал командованием армией, а являлся главным организатором ее боевого снабжения, осуществляя через соответствующие органы распределение военных заказов, контроль за их исполнением и приемку. Правда, в 1917 г., начиная с Гучкова и особенно при Керенском, военный министр стал заниматься по преимуществу военно-политическими вопросами.

¹⁷ Утро России, 1917, 17 марта.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 43.

Остальные министерские посты, в том числе такие, как министерства земледелия, иностранных дел, путей сообщения получили кадетские политики Шингарев, Милюков и Некрасов, по определению рупора Рябушинского, «известные представители организованной буржуазии».¹⁹ Лишь Министерство юстиции досталось социалисту на словах, типичному полукадету на деле — Керенскому.

Главой Временного правительства (министром-председателем, по тогдашней терминологии) и по совместительству министром внутренних дел по настоянию кадетов был назначен князь Г. Е. Львов, популярный в то время в либеральных буржуазно-помещичьих кругах общественный деятель.²⁰ Князь Львов представлял в правительстве интересы обуржуазившихся помещиков, сомкнувшихся в годы войны с монополистической буржуазией.²¹

Как указывал В. И. Ленин, в состав Временного правительства вошли «представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов».²²

Следовательно, Временное правительство первого состава, судя по представленным в нем классовым группировкам и организациям, было по своей социальной природе буржуазно-помещичьим. Но, будучи таковым, оно вместе с тем являлось прежде всего органом господства финансово-промышленной олигархии.

Из сказанного также видно, как был далек от исторической правды Милюков, утверждавший, что «в лице Временного правительства самое требовательное воображение не могло усмотреть такой организации, которая защищала бы классовые интересы „буржуазии“».²³

Монополистические верхи, как и вся буржуазия, восторженно приветствовали создание нового «общественного правительства». В немалой степени этот восторг объяснялся тем, что «одна из страшнейших», по определению Родзянко, революций²⁴ быстро

¹⁹ Утро России, 1917, 11 июля.

²⁰ См.: М. В. Родзянко, ук. соч., стр. 48; П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 299, 375—380.

²¹ Сам князь Г. Е. Львов был крупным землевладельцем. В годы войны он округлял свои владения, купив в Тульской губ. имение площадью в 1148 дес. земли и леса (А. М. Анфимов. Помещичье хозяйство России в годы первой мировой войны (до Февральской революции). Исторические записки, т. 60, 1957, стр. 171). Тогда же он приобщился к промышленной деятельности, став учредителем и крупным акционером товарищества «Снабжение» (ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 574, л. 87).

²² В. И. Ленин. Письма из далека. Сочинения, т. 23, 4-е изд., стр. 326.

²³ П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1. София, 1921, стр. 73.

²⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, стр. 406, док. № 308.

закончилась, а выдвинутое буржуазией кадетско-октябристское правительство, благодаря предательскому содействию меньшевистско-эсеровских вождей Петроградского Совета, легко взяло в свои руки государственную власть.

Однако уже в первые дни радость буржуазии по поводу «своей» победы напоминала скорее вздох облегчения по поводу того, что еще не все потеряно, нежели удовлетворение в связи с происшедшим. По свидетельству современника, даже в кадетских кругах, бывших в оппозиции к старому режиму, отношение к происшедшим переменам было «двойственное и более сдержанное», чем можно было бы ожидать, и соседствовало с «чувством тревоги». «Еще больше тревоги было в промышленной среде», ибо на бирже не знали, как далеко может зайти в своем развитии начавшаяся революция.²⁵

Одной из причин столь сдержанного отношения буржуазии к ее победе было то, что революция уже на первых порах зашла дальше, чем того могла желать буржуазия. Как известно, в политической области пределом ее стремлений был маленький дворцовый переворот, устраняющий «негодного» монарха и заменяющий его другим. Но столь быстрый переход от монархии к республике не мог не испугать буржуазию.

Как бы то ни было, власть оказалась взятой, и монополистические круги сразу же поспешили поддержать свое правительство как материально, так и политически. 3 марта 1917 г. совещание представителей акционерных коммерческих банков решило предоставить в распоряжение Родзянко 1 млн руб. и Керенского — 500 тыс. руб. формально для помощи политзаключенным, а в действительности для неотложных нужд по быстрейшему водворению «порядка».²⁶

Примерно в то же время полмиллиона рублей «пожертвовал» в распоряжение Временного правительства синдикат «Продамет», в связи с чем правительство официально поручило министру торговли и промышленности выразить ему «благодарность за пожертвование».²⁷ Не остался в стороне и московский капитал. Московская биржа, по сообщению ее руководящих деятелей, ответила на образование Временного правительства «покупкой государственных займов».²⁸

Руководящие органы ведущих предпринимательских организаций в первые же дни призвали своих членов к поддержке

²⁵ П. А. Б у р ы ш к и н. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954, стр. 323.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 622, оп. 12, д. 183, л. 235; ф. 634, оп. 1, д. 11, л. 422.

²⁷ Журнал Временного правительства, № 12, 9 марта 1917 г.: ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, д. 2, т. I, л. 23.

²⁸ Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34, стр. 11.

Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. Так, Совет съездов представителей промышленности и торговли, заявив 2 марта о том, что он отдает себя «в полное распоряжение Временного комитета членов Государственной думы», одновременно обратился с призывом ко всем торгово-промышленным организациям страны сплотиться вокруг думского комитета и поддержать его.²⁹ 3 марта он в специальной телеграмме на имя кн. Львова и отдельных министров уже приветствовал весь состав «первого русского общественного кабинета» и предоставлял себя в его «полное распоряжение».³⁰

Еще раньше, 28 февраля 1917 г., о поддержке Государственной думы в организации ею новой власти — Временного правительства телеграфировал Московский областной военно-промышленный комитет — деловой орган московской буржуазии.³¹ Свое «полное содействие» Временному комитету Государственной думы гарантировало также совещание представителей акционерных коммерческих банков.³² В течение первых дней марта о поддержке Временного правительства заявили все сколько-нибудь важные предпринимательские организации страны.

На организованном 8 марта 1917 г. ведущими торгово-промышленными организациями Петрограда и Москвы торжественном заседании по случаю чествования первых министров-промышленников, руководители банковско-промышленных сфер (Кутлер, Вышнеградский, Мещерский, фон Дитмар и др.) единодушно заявили, что «деловая Россия верит своим первым министрам».³³ Весь общественный смысл этого торжества состоял в том, что новое «правительство получило выражение полного доверия со стороны торгово-промышленного класса».³⁴

Монополистическая буржуазия, признав безоговорочно Временное правительство своим, стремилась представить его носителем «единственной законной и общепризнанной власти в стране».³⁵ Подобное стремление имело под собой почву в объективной действительности того времени.

²⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 410, док. № 311.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, лл. 43—44.

³¹ Там же, д. 2032, л. 1.

³² Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 409, док. № 309.

³³ Вестник Временного правительства, 1917, 10 марта; Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34, стр. 6—9.

³⁴ Торгово-промышленная газета, 1917, 10 марта.

³⁵ Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918, стр. 167 (резолюция по политическим вопросам).

Русская буржуазия в результате победы Февральской революции стала правящим классом, но правящим лишь наполовину. Ибо вместо «чистой» диктатуры буржуазии образовалось своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур, так называемое двоевластие. Последнее, как известно, стало возможным в силу своеобразия Февральской революции, которая не только дала власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Суть двоевластия состояла в том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии и помещиков, возникло другое правительство — Советы рабочих и солдатских депутатов. При этом реальная власть оказалась не в руках правительства Гучкова—Миллюкова, а у Петроградского Совета, опиравшегося на восставший вооруженный народ и армию. «Временное правительство, — сообщал Гучков в строго секретном письме от 9 марта генералу Алексееву, — не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов».³⁶

Поэтому все эти «верноподданнические» декларации и конкретные действия буржуазных организаций преследовали двойную цель: во-первых, силотить вокруг Временного правительства все буржуазные силы «и тем создать тот противовес, который положил бы грань всякому давлению» на него со стороны Советов,³⁷ а во-вторых, создать видимость широкой общественной поддержки этому правительству, ибо оно крайне в ней пуждалось.

В свою очередь Временное правительство ищет поддержки прежде всего в крупнобуржуазных кругах. Уже 5 марта 1917 г. министр торговли и промышленности Коновалов обратился ко всем торгово-промышленным организациям с призывом к «согласованной работе» с правительством и всяческим содействии ему.³⁸ Министр финансов Терещенко на устроенном им 6 марта приеме представителей частных банков также призвал их к сотрудничеству с Временным правительством и оказанию ему широкой финансовой помощи.³⁹

³⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 429—430, док. № 333.

³⁷ Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 8 (речь П. П. Рябушинского).

³⁸ Вестник Временного правительства, 1917, № 2, 7 марта.

³⁹ Горнозаводское дело, 1917, № 11—12, стр. 15534.

Но хотя буржуазия не жалела усилий для укрепления власти Временного правительства, положение его оставалось шатким, неустойчивым. Оно по-прежнему было полувластью и держалось главным образом благодаря поддержке эсеро-меньшевистских вождей Совета, предательски сдавших власть буржуазии.

Такой оборот событий, когда, по словам лидера южных горно-промышленников фон Дитмара, «почти с самого начала революции светлый ход ее первых шагов омрачился»⁴⁰ самостоятельным выступлением народных масс был для монополистической буржуазии источником беспокойства и неуверенности в прочности своего политического господства. Своим классовым инстинктом буржуазия почувствовала, что победа Февральской революции поставила перед ней внутри страны вопрос: «быть или не быть?»⁴¹

Монополистические круги, не в меньшей степени, чем политические лидеры буржуазии, сознавали, что в обстановке революции все проблемы, в том числе экономические, упираются в вопрос о власти.⁴²

Борьба за власть в первые месяцы предстала перед буржуазией как борьба за единовластие Временного правительства. Ни один класс не может отстоять свое господство и подавить сопротивление враждебных классов, не имея в своих руках всей полноты государственной власти. Вот почему борьба буржуазии за свое единовластие стала центральной задачей всей ее политики, решению ее она подчинила или отодвинула на задний план все другие задачи. Капиталисты, писал В. И. Ленин, «хотят всевластия, они не могут, с точки зрения своего классового положения, не добиваться всевластия, не отстаивать его».⁴³

С самого начала деятельности Временного правительства монополистический капитал оказывает на него давление, побуждая к энергичной борьбе за единовластие. С этой целью используется угроза финансового бойкота. Так, на состоявшемся 6 марта 1917 г. у министра финансов Терещенко совещании представителей банков по вопросу о займе председатель правления Азовско-Донского банка Б. А. Каменка от имени банков заявил, что «банки рассмотрят в своей среде вопрос о займе; что касается своевременности займа, то банки полагают, что решение этого вопроса тесно связано с единением

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 92, оп. 1, д. 1004, л. 38.

⁴¹ Именно так, знаменитым шекспировским выражением, определил сложившуюся для буржуазии обстановку Коновалов в речи на московской бирже 14 апреля (Торгово-промышленная газета, 1917, 16 апреля).

⁴² См.: 1917 год в документах и материалах. Государственное совещание. М.—Л., 1930, стр. 286 (речь Гучкова); Речь, 1917, 20 мая.

⁴³ В. И. Ленин. Исчезло ли двоевластие? Сочинения, т. 24, 4-е изд., стр. 410.

в среде правительства и прочностью нового режима». ⁴⁴ Яснее не скажешь. Постановка вопроса банкирами на деле была ультиматумом Временному правительству, требованием обеспечить единство и прочность власти. ⁴⁵

Но Временное правительство до поры, до времени не могло осуществить как подобного рода требований, так и собственных устремлений к всевластию.

Как видим, деловая, монополистическая буржуазия достаточно ревниво относилась к судьбе Временного правительства, не жалея сил для его поддержки и укрепления. Такое отношение нельзя объяснить иначе, как тем, что оно действительно было ее правительством, родственным ей по классовому духу и в значительной мере по составу.

Одновременно с борьбой за единовластие Временного правительства, как центрального органа власти, буржуазия с первых дней революции захватывает в свои руки государственный аппарат. Переход государственного аппарата к обслуживанию ее интересов совершился довольно легко в силу давнишних тесных связей царского чиновничества с монополистическим капиталом. После небольшой чистки центральных и местных учреждений от заведомых и скомпрометировавших себя монархистов «гигантскую армию чиновников», которая была «насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады», ⁴⁶ Временное правительство сохранило почти в прежнем виде. Изменилось лишь то, что «чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров». ⁴⁷

Кадры либеральных деятелей свободных профессий, служавших военно-промышленным комитетам, Земгора и других буржуазных организаций пополнили ряды старого чиновничества, составив костяк «нового» государственного аппарата. Так, по поводу «перемен» в Министерстве юстиции при «социалисте» Керенском видный петроградский адвокат Карабчевский писал

⁴⁴ Горнозаводское дело, 1917, № 11—12, стр. 15534. Разрядка моя, — П. В.

⁴⁵ Что монополисты понимали под «единением», «единством» правительственной власти, пояснил в речи на открытии Первого Всероссийского торгово-промышленного съезда небезызвестный П. П. Рябушинский, заявив, что «наша власть должна быть единой» и не должна «дробиться между многими», т. е. между «законным» правительством и вставшими рядом с ним «представителями тех или иных классов» (читай: Советом).

⁴⁶ В. И. Ленин. Один из коренных вопросов революции. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 342.

⁴⁷ В. И. Ленин. Государство и революция. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 380.

в своих воспоминаниях, что это министерство заполнили «бывшие прежде в загоне либеральные судебные деятели» и адвокаты.⁴⁸ В министерстве иностранных дел при Милюкове, по свидетельству того же автора, «традиции оказались сильнее революции. Все было мертвенно, чинно и пустынно... Весь состав служащих оставался прежним».⁴⁹

Скажем сразу же, что обновленный подобным образом аппарат центральных, а также и местных правительственных учреждений при коалиционных правительствах не подвергся фактически никаким существенным изменениям. Не удивительно, что государственный аппарат был одной из опор буржуазных верхов и их орудием борьбы с революцией.

Вопреки расчетам буржуазных верхов укрепить в своих руках государственную власть, события не способствовали реализации этих намерений. Народные массы не хотели терпеть во главе революционной России буржуазное правительство, которое, даже по признанию кадетских вожakov не имело опоры «в широких демократических слоях населения».⁵⁰ Рост недовольства народных масс нерешенностью главных задач революции и особенно внешней политикой Временного правительства привел к апрельскому политическому кризису; питательной почвой апрельского кризиса было также двоевластие — «неопределенно-переходное состояние государственной власти».⁵¹ В результате апрельского кризиса, со всей остротой поставившего вопрос о ликвидации двоевластия в пользу Советов, создалось такое положение, что центральный орган власти мог ускользнуть из рук буржуазии. «Советы, — писал В. И. Ленин, — могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны».⁵²

В эти трудные для Временного правительства дни, когда оно буквально висело на волоске, руководящие центры монополистического капитала выразили ему сочувствие и «готовность к сильной помощи».⁵³ Но сила напора революционных масс была такова, что этого было явно недостаточно. Правящие буржуазные круги вынуждены были для спасения ускользавшей из их рук власти пойти на создание коалиционного правительства с участием эсеро-меньшевистских представителей Петроградского

⁴⁸ Н. П. Карачевский. Что глаза мои видели. Сб. «Февральская революция», М.—Л., 1925, стр. 329.

⁴⁹ Там же, стр. 330.

⁵⁰ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. М., 1917, стр. 9 (доклад кн. Трубецкого).

⁵¹ В. И. Ленин. К лозунгам. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 164.

⁵² В. И. Ленин. Уроки революции. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 212.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 28, л. 92.

Совета. Этот крупный и искусный политический маневр, свидетельствовавший, что революция кое-чему научила и малоопытную русскую буржуазию, мог увенчаться успехом только потому, что эсеры и меньшевики поддержали стоявшее на краю гибели правительство капиталистов, продолжив и усугубив свою соглашательскую политику.

Как и вся буржуазия, монополистический капитал связывал с созданием коалиционного правительства далеко идущие цели. Главная цель состояла в том, чтобы, привязав через министров «социалистов» Петроградский Совет к Временному правительству, уничтожить ненавистное двоевластие и таким путем обеспечить, по словам одного из лидеров московской буржуазии Третьякова, новому правительству «всю полноту власти».⁵⁴ А уж это единственное и всесильное буржуазное правительство должно было решить все поставленные перед ним задачи и в первую очередь довести до победы войну и водворить «порядок» в тылу.

5 мая 1917 г. первое коалиционное правительство с участием 6 министров «социалистов» (Керенский, Скобелев, Чернов, Церетели, Пешехонов, Переверзев) заменило прежнее правительство Гучкова—Милюкова. Во главе Временного правительства был оставлен князь Львов, но в его составе не стало «цинично откровенных представителей империализма Милюкова и Гучкова».⁵⁵

Падение — всего через два месяца после прихода буржуазии к власти — чисто буржуазного правительства и образование коалиционного кабинета не изменило классовой природы государственной власти. Новое правительство с участием министров «социалистов» оставалось буржуазным, империалистическим не только в силу преобладания в нем буржуазно-помещичьих представителей, но прежде всего в силу того, что буржуазия по-прежнему господствовала во всех областях экономики и в государственном аппарате. Однако было бы неправильным думать, что форма политического господства буржуазии после 5 мая 1917 г. не изменилась. Ей пришлось делить государственную власть с верхами мелкой буржуазии и осуществлять свою диктатуру руками «социалистов», пользовавшихся еще доверием пародных масс. Коалиция, будучи результатом «бракосочетания блока эсеров и меньшевиков с буржуазией»,⁵⁶ служила вплоть до Октябрьской революции прикрытием буржуазной диктатуры, создавая Временному правительству декорум демократичности и революционности.

⁵⁴ Утро России, 1917, 27 апреля.

⁵⁵ В. И. Ленин. На переломе. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 64.

⁵⁶ В. И. Ленин. Бумажные резолюции. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 243.

Русская буржуазия, как видим, не могла без прямой помощи эсеров и меньшевиков, без союза с ними управлять страной. У кормила государства встал теперь «блок двух блоков, союз двух союзов», т. е. «блок эсеров с меньшевиками и блок этого блока с кадетами, которые в блоке со всеми, стоящими правее их, политическими партиями».⁵⁷

Наряду с кадетами, главной правящей и правительственной партией буржуазии, правительственными партиями стали эсеры и меньшевики, выражавшие интересы плетущейся за крупным капиталом мелкой буржуазии.

Став правительственными партиями, эсеры и меньшевики в главном и основном проводили политику буржуазного большинства Временного правительства и империалистической буржуазии, расходясь с ними, по определению буржуазной печати, «лишь в темпе и в тактике работы».⁵⁸

Образование первого коалиционного правительства, изменив форму политического господства буржуазии как класса, привело также к тому, что крупная, монополистическая буржуазия оказалась формально оттесненной от власти.⁵⁹ Эти сдвиги в системе государственной власти внесли существенные изменения в отношение монополистического капитала к Временному правительству и в методы его борьбы за политическое и экономическое всевластие. Утрату части своих позиций в центральном органе государственной власти буржуазия изображала чуть ли не как свой отход от власти, или, на худой конец, как потерю возможности воздействия на нее. «Мы отброшены и фактически не в состоянии влиять па ход государственной машины»,⁶⁰ — так позднее скажет Рябушинский от имени верхов торгово-промышленной буржуазии.

Возникает вопрос, что же в действительности скрывалось за этими лицемерными жалобами и злостным извращением фактического положения вещей? Начать с того, что монополистический капитал, добываясь вместе со всей буржуазией единовластия для своего класса, одновременно стремился всю полноту власти в рамках буржуазной диктатуры сосредоточить в своих руках.

⁵⁷ В. И. Ленин. Как и почему крестьян обманули. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 129; В. И. Ленин. Расхлябанная революция. Там же, стр. 108—109.

⁵⁸ Утро России, 1917, 11 июля.

⁵⁹ Коновалов, последний из деловых людей, ушел в отставку 19 мая 1917 г., т. е. спустя две недели после образования коалиционного правительства. Терещенко разошелся с крупнобуржуазными организациями и кадетами по вопросам тактики, «сблизился» с Керенским и министрами-«социалистами» и утратил доверие крупной буржуазии.

⁶⁰ Торгово-промышленная газета, 1917, 12 августа.

Сама природа монополистического капитала такова, что она вызывает стремление к установлению контроля над политикой правительства. Это одна сторона дела. Другая — состояла в том, что коалиционное правительство не оправдало надежд капиталистов на то, что оно станет единой и «твердой» властью и в качестве таковой прекратит «анархию» в стране, т. е. революционное движение. На Всероссийской торгово-промышленной конференции, состоявшейся 1—2 июня 1917 г., т. е. через 4 недели спустя после образования нового кабинета, один из видных уральских деятелей Цейдлер прямо заявил, что создание коалиционного правительства не привело к цели, а «в значительной степени ухудшило положение».⁶¹

Как видим, степень силы и решительности правительства в борьбе с революцией была главным критерием, определявшим отношение к нему монополистов. Наконец, немалое значение имели и специфические черты русской монополистической буржуазии. Более консервативная, более политически отсталая, часто далекая от понимания общеклассовых интересов, не знавшая в прошлом парламентарных форм политического и экономического господства капитала, русская промышленно-банковская и особенно торговая буржуазия была недовольна коалиционным правительством, считая его непомерно левым. Ей, развращенной военно-полицейским режимом царизма, была понятнее, ближе, родственнее открытая и грубая защита капитала посредством военной диктатуры. Всякая иная власть казалась монополистам слабой и неустойчивой.

Следует иметь также в виду то обстоятельство, что промышленная буржуазия первой почувствовала на самой себе удары революции. Ибо «кому ближе всего грозит опасность со стороны рабочих, как «не работодателю, промышленному капитализму?»⁶² Именно поэтому крупная промышленная буржуазия первой среди всех фракций своего класса стала откровенно контрреволюционной.

В силу всех этих причин монополистический капитал и выражал (причем громче всех других групп буржуазии) недовольство установившейся после апрельского кризиса системой власти. Характерно, что биржа — этот чувствительнейший барометр политической и экономической жизни буржуазного общества — ответила на апрельский кризис и последовавшее вслед за ним образование коалиционного кабинета понижением курсов ценных бумаг.

⁶¹ Стенограмма заседания Всероссийской торгово-промышленной конференции, 1 июня 1917 г.: ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 112.

⁶² К. Маркс. Классовая борьба во Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, изд. 2-е, стр. 80.

«В Париже (где котировалось много русских ценностей, — П. В.) после 20 апреля биржевые деятели говорили раздраженным голосом, что цену русских бумаг делают русские рабочие», — сообщала газета московских большевиков.⁶³

Верхи торгово-промышленной буржуазии, не считаясь с реальной обстановкой, с необходимостью для кадетско-эсеровско-меньшевистского правительства лавировать, дабы отстоять коренные интересы буржуазии, открыто проявляли и чем дальше, тем в большей степени — свое нетерпение и раздражение «неправильным ходом революции».⁶⁴ Монополистический капитал уже тогда жаждал грубой и неограниченной буржуазно-контрреволюционной диктатуры, олицетворением которой должно было стать «сильное» Временное правительство.

Кадеты несомненно были более политически опытны и дальновидны, чем монополистические верхи. Они более здраво оценивали сложившуюся обстановку и видели, что принятый Временным правительством метод борьбы с революцией — торможение ее, подрыв изнутри — более соответствует реальному соотношению сил, чем грубое и открытое насилие над революционными массами. Кадеты понимали, что без использования соглашательского руководства Советов, без известных, хотя бы временных или словесных уступок массам, сочетаемых с подавлением их активности, без некоторых реформ из кризиса нельзя было выйти. Как указывал В. И. Ленин, «кадеты правильно учли, что положение *объективно* революционное». Поэтому, подчеркивал В. И. Ленин далее, «на реформы они согласны и делить власть с реформистами Церетели и Черновыми не правится»,⁶⁵ тем более, что у них была вся власть, а министры-«социалисты» были привеском к этой буржуазной власти.

Не удивительно, что лидеры монополистической буржуазии критиковали позицию кадетов в правительственном вопросе всегда справа, трактуя ее как «уступчивую».⁶⁶ Однако имевшиеся между ними разногласия сводились по сути дела к спорам о различных методах одной и той же контрреволюционной политики.

Уже с первых дней деятельности коалиционного правительства крупный капитал стремится к тому, чтобы навязать ему

⁶³ Социал-демократ, 1917, 22 июня.

⁶⁴ 1917 год в документах и материалах. Государственное совещание, стр. 265 (выступление фон Дитмара).

⁶⁵ В. И. Ленин. На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства? Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 133.

⁶⁶ См.: Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. М., 1917, стр. 13.

свою неприкрытую контрреволюционную политику и тем побудить его к более решительной борьбе с революционным народом и его организациями. Поводом для давления на Временное правительство в этом направлении монополисты избрали вопрос о замещении поста министра торговли и промышленности, оставшегося вакантным после отставки Коновалова.

Главной силой, взявшей на себя реализацию этого плана, были московские тузы. Считая, что Временное правительство должно «привлечь в свою среду представителей промышленности и торговли»,⁶⁷ они в то же время отказывались дать своего представителя в его состав до принятия им предварительных условий «торгово-промышленного класса». Условия эти были таковы: 1) буржуазное большинство коалиционного правительства должно было объединиться вокруг «известных определенных лозунгов» с тем, чтобы направить его политику «по надлежащему пути»; 2) голос министра торговли и промышленности должен «звучать сильно и властно» и без его согласия не будут проводиться мероприятия, затрагивающие интересы и прибыли капиталистов и 3) Временное правительство должно стать «твердой» властью и покончить с «хаосом».⁶⁸

Князь Львов и другие буржуазные министры выразили свое согласие с этими условиями,⁶⁹ но при том бессилии, в каком они тогда находились, требования московского капитала не могли быть полностью, а тем более быстро выполнены. В связи с этим кандидаты торгово-промышленной Москвы на пост министра торговли и промышленности Бурышкин, а затем и Третьяков отказались от предложенной им должности.⁷⁰ Были и другие попытки активизировать правительство и толкнуть его на путь лобовой атаки на революцию. В частности, конференция промышленников Юга России в декларации Временному правительству от 27 мая 1917 г. требовала от него «властно и авторитетно принять меры против политического и экономического разложения, которые ведут отечество к гибели».⁷¹ Монополисты Юга недвусмысленно подсказывали и пути подхода к решению поставленной перед ним задачи: покончить с «бездельем» и бессилием власти «сверху донизу» и «обеспечить исполнение законов решительным принятием соответствующих мер, вытекающих из прав Временного правительства как верховного источника власти, и

⁶⁷ Там же, стр. 10 (выступление Третьякова).

⁶⁸ Там же, стр. 10—11 (выступление Третьякова).

⁶⁹ Коммерческий телеграф. 1917, 10 июня; Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 9—10.

⁷⁰ Там же, стр. 11; П. А. Бурышкин, ук. соч., стр. 333—337.

⁷¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. I. М.—Л., 1957, стр. 180, док. № 70.

озаботиться о незамедлительном судебном разбирательстве всех совершенных и совершаемых правонарушений».⁷² Только став «твердой» властью, оно могло рассчитывать на доверие к нему монополистического капитала. На торгово-промышленной конференции 1—2 июня не кто иной, как фон Дитмар заявил: «Маленький опыт показал, что мы первому Временному правительству доверяли, а второму не выражаем доверия. Мы лучше подождем, как оно себя поведет. Я подожду, что оно сделает, а потом скажу оправдает ли оно свое наименование».⁷³

Но то, что было не под силу Временному правительству первого состава, тем более было непосильным для коалиционного правительства, так как страна ушла далеко вперед.

Слабость и нерешительность Временного правительства монополистические верхи, как впрочем и кадетские политики, связывали с его «неудачным» составом, как будто иной подбор министров в тех условиях мог прибавить ему силы и авторитет. Всеобщее разочарование в буржуазно-помещичьем лагере еще со времени первого состава Временного правительства вызывал его глава князь Львов. Раньше всего в нем разочаровались кадеты, лидеру которых Милюкову, как известно, принадлежала инициатива его выдвижения на пост премьера.⁷⁴ Теперь они горько сетовали по поводу своих «промахов», называя незадачливого премьера «шляпой».⁷⁵ Промышленно-банковские воротилы были недовольны также «изменой» своего человека Терещенко⁷⁶ и непомерной «левизной» Некрасова. Буржуазные элементы правительства Львова—Керенского обвинялись в том, что они якобы «по слабости своей воли, по слабости своего характера и по отсутствию государственности (!) волей или неволей плывут по течению, диктуемому Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».⁷⁷ В действительности было как раз наоборот: плыли

⁷² Там же, стр. 178.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 115.

⁷⁴ П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II, стр. 299; В. Набоков, ук. соч., стр. 67—68.

⁷⁵ Любопытно в этом отношении черновая запись одного из заседаний ЦК кадетов. Новгородцев, говоря о Львове, заявил, что о его непригодности «говорит вся Россия... Ошиблись. Для меня это самое горькое разочарование». Следующий оратор — Милюков, скрытый под инициалами П. М. высказался так: «Нет руководителя и объединителя. Львов не та фигура, на которую мы рассчитывали. Он только способствовал разложению власти». Более здраво рассуждал кадетский соловей — Родичев: «Отставка, перемена Львова — к чему приведет? Нет авторитетного человека. Вы только возбудите аппетиты Совета рабочих депутатов» (ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 740, лл. 1—1 об., 4).

⁷⁶ Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 12—13.

⁷⁷ Там же, стр. 10 (выступление Третьякова).

в фарватере буржуазной политики «социалистические» элементы правительства.

В течение всего двухмесячного периода существования первого коалиционного правительства монополистические круги стояли перед дилеммой: или поддерживать вопреки своим устремлениям такое правительство, или отказать ему в поддержке. В этом свете любопытны суждения, высказанные при закрытых дверях в узком кругу ведущих промышленных и банковских воротил на упоминавшейся уже торгово-промышленной конференции.⁷⁸ Почти все ораторы резко нападали на Временное правительство за его слабость и недостаточную, по их мнению, защиту интересов промышленности, предлагая выразить ему недоверие и отказать в поддержке. В то же время в речи Кульмана — члена Совета съездов представителей промышленности и торговли было признано, что «нам топить правительство... нет никакого основания». «Топить правительство, — пояснял он, — это значит идти на гибель».⁷⁹ К сдержанности и «чрезвычайной осторожности» в отношении к нему призывал и Третьяков, откровенно заявивший, что он не представляет себе, «что же мы сами бы сделали, если бы нас посадили на их место».⁸⁰

Как показала конференция, монополистическая буржуазия не могла отказать Временному правительству в поддержке, ибо, хотя оно и не отвечало ее представлениям о характере власти, тем не менее было ее правительством и «такой величиной, с которой так или иначе приходится считаться».⁸¹

В то же время она не оставляла попыток добиться установления своего непосредственного контроля над деятельностью коалиционного правительства. Как далеко шли притязания монополистов в этом вопросе, показывает характерная реплика лидера южных горнопромышленников фон Дитмара на торгово-промыш-

⁷⁸ О составе участников этой конференции достаточно красноречиво говорит простой перечень имен, почти каждое из которых представляло собой звезду первой величины промышленного и банковского мира тогдашней России. Это финансовые короли Путилов и Каменка, заправилы монополий тяжелой индустрии Мещерский, Иванов, фон Дитмар и Цейдлер, московские текстильные магнаты Третьяков и Лурье, петроградские тузы Бачманов и Дюфур. На конференции было установлено, что все происходящее на ней не должно было «выходить за стены этой комнаты». Отсюда и заявление одного из ораторов: «Когда мы собираемся здесь... мы чувствуем себя как дома» (ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 194). Подробнее об этой конференции см. статью Р. Ш. Гапелипа и Л. Е. Шепелева «Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г.» в кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.—Л., 1957.

⁷⁹ Стенограмма заседания Всероссийской торгово-промышленной конференции, 1 июня 1917 г.: ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, лл. 108—110.

⁸⁰ Там же, л. 119.

⁸¹ Там же, лл. 197—198.

ленной конференции 1—2 июня 1917 г. по поводу «ошибок» Конавалова в рабочем вопросе, в бытность его министром торговли и промышленности. «Вот, что значит человек, стоящий во главе министерства!» — восклицал Дитмар и формулировал как нервостепенную задачу, чтобы «мы, промышленники и ответственные за судьбу русской промышленности, зорко смотрели за министром торговли и промышленности, что он говорит и что делает, будь он из наших, будь он не из наших». ⁸² Особое неудовольствие монополистов вызывали два обстоятельства. Во-первых, «губительное влияние Советов на деятельность Временного правительства», ⁸³ выражавшееся в наличии так называемого «контроля» Петроградского Совета над правительством, а также возмущенной для обмана масс лидерами эсеро-меньшевиков пресловутой ответственности министров-«социалистов» перед «полномочными органами революционной демократии» — перед Советами.

Существование Советов, особенно их влияние на Временное правительство, по мнению буржуазии, было первопричиной всех бед и источником его слабости. Буржуазия понимала, что нельзя покончить с двоевластием и целиком овладеть властью в государстве, не лишив Советы значения второй власти, а затем и вовсе ликвидировав их. Пока же она добивалась ограничения их роли. «Настоящее, честное» сотрудничество с буржуазией, — писала, солидаризируясь с монополистами, кадетская «Речь», — возможно, если Советы не будут претендовать на высшую власть в России. ⁸⁴

Второе обстоятельство было тесно связано с первым и состояло в том, что безудержная демагогия эсеров и меньшевиков, особенно министров-«социалистов», их «необдуманные выступления» ⁸⁵ с угрозами насчет «обуздания» капиталистов и взятия их прибылей, будучи необходимым компонентом и утонченным средством защиты основ капитализма, раздражали непривычных к демократической и почти социалистической фразеологии воротил делового мира, усиливая их недовольство правительством. Во всем этом сказывался не только испуг русских капиталистов перед революцией, но и их политическая отсталость, «некультурность» по сравнению с западноевропейскими собратьями, сумевшими еще тогда приручить и отлично использовать правосоциалистических, реформистских вожаков. Между тем октябристским и неко-

⁸² Там же, лл. 238—239.

⁸³ Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 9.

⁸⁴ Речь, 1917, 8 июля.

⁸⁵ Стенограмма заседания Всероссийской торгово-промышленной конференции, 1 июня 1917 г.: ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 112.

торым другим отсталым элементам буржуазии эсеры и меньшевики чуть ли не всерьез казались социалистами, подобно тому как в свое время в глазах царицы Гучков и Милюков были едва ли не самыми главными бунтовщиками и революционерами.

Усилия монополистических верхов побудить Временное правительство в период двоевластия идти напролом в борьбе с революционным народом не достигли цели. Правительство Львова-Керенского тогда еще не решалось стать на этот путь, равносильный политическому самоубийству. Но несомненный и быстрый рост откровенно контрреволюционных черт в его политике, особенно начиная с июня, нельзя не поставить в прямую связь с давлением буржуазии.

* *
*

Июльские события, склонившие на время чашу весов в сторону буржуазии, покончили с ненавистным для нее двоевластием и, казалось, продемонстрировали способность Временного правительства стать «твердой» властью. Авторитет правительства в глазах капиталистов несколько повысился. Руководящие центры монополистов, еще недавно резко осуждавшие буржуазное крыло Временного правительства, вынесли ему теперь свое одобрение. Так, совещание представителей торговли и промышленности Петрограда при участии деятелей Всероссийского союза торговли и промышленности, состоявшиеся в первые дни после разгрома июльской демонстрации, высказалось в том смысле, что «эти круги разделяют характер и направление деятельности тех членов Временного правительства, которые принадлежат к крупным имущественным классам».⁸⁶

Одновременно буржуазия в лице кадетов одобрила и деятельность эсеро-меньшевистских лидеров, принявших активное участие в контрреволюционном походе против петроградских рабочих и солдат. Открытый разрыв эсеро-меньшевиков с революционным пародом и их переход в лагерь контрреволюции она квалифицировала как «отрезвление» от «социалистического» угара и увлечения «несбыточными мечтами». На одном из собраний своей партии Милюков говорил о министрах-«социалистах», что они «под ударами жизни... оказались способными к восприятию правильных взглядов (!) на задачи государственные».⁸⁷

В послеиюльский период Временное правительство берет курс на сокрушение революции силой и установление контрреволю-

⁸⁶ Утро России, 1917, 15 июля.

⁸⁷ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, лл. 2—3.

ционной диктатуры, т. е. тот курс, которого давно домогались монополистические круги. В связи с этим в буржуазных кругах вновь зазвучали мотивы о его поддержке. Так, совет Союза объединенной промышленности — одной из ведущих организаций крупной московской торгово-промышленной буржуазии — в своем циркулярном письме от 22 июля 1917 г. писал: «Призыв правительства к объединению вокруг него всех жизненных сил страны должен быть услышан и поддержан всеми гражданами и всеми классами, так как теперь больше чем когда-либо спасение в единстве и силе власти и в укреплении принципов законности и права, обеспечиваемых этой твердой властью».⁸⁸

Центральной задачей, вставшей перед буржуазией в послеиюльский период, была задача укрепления доставшейся ей в руки через посредство военной клики государственной власти. Решить эту задачу буржуазия вначале предполагала путем превращения Временного правительства в действительную и мощную диктатуру капитала. «Для осуществления своей безмерно трудной задачи правительство должно быть облечено безграничными полномочиями. Нечего бояться слова „диктатура“. Она необходима»,⁸⁹ — писал рупор Рябушинского и К^о газета «Утро России».

В установлении открытой контрреволюционной диктатуры и подавлении сопротивления масс буржуазия видела единственный выход из глубочайших политических и социально-экономических противоречий, резко обострившихся к середине июня и приведших к июльскому кризису. Однако, несмотря на поражение революционных сил, буржуазия не могла полностью утвердить угодную ей власть. Ее победа была далека от окончательной. Советы, хотя и протитуированные эсерами и меньшевиками,⁹⁰ продолжали существовать, вызывая уже этим величайшее недовольство буржуазии. В. И. Ленин по этому поводу писал: «... буржуазия рвет и мечет против Советов, но она еще бессильна сразу разогнать их».⁹¹ Перестав быть властью, неспособные оказать серьезное сопротивление буржуазии, они тем не менее оставались органами самих масс, отдушиной, через которую возмущение народных масс доходило до правительства в наиболее осязаемой для него форме. Советы по-прежнему оставались препятствием на пути контрреволюционной буржуазии, затрудняя и осложняя ее монополистическим верхам установление безраздельного контроля над политикой Временного правительства.

⁸⁸ Экономическое положение России, ч. I, стр. 189, док. № 77.

⁸⁹ Утро России, 1917, 15 июля.

⁹⁰ В. И. Ленин. Начало бонапартизма. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 200.

⁹¹ Там же.

Несмотря, однако, на укрепление своих позиций, буржуазия не могла еще обойтись без поддержки соглашателей, без такого демократического прикрытия, которое облегчило бы постепенное закрепление в ее руках всей власти сверху донизу. В силу всех этих причин сохранился и после июльских дней коалиционный характер правительства. Такое правительство рассматривалось в буржуазных кругах как переходное к чисто буржуазному, диктаторскому правительству открытой контрреволюции.

Монополистический капитал также дал свое «согласие» на образование второго коалиционного кабинета, опасаясь худшего — возможности «радикального изменения политического облика» правительства, т. е. сформирования его без участия цензовых элементов.⁹² Монополистическая буржуазия как будто готова была даже примириться с отсутствием ее прямых представителей в составе правительства, требуя от него лишь одного — решительной борьбы с революционным народом. «На пути спасения родины (от революции, — П. В.) торгово-промышленный класс поддержит всякое правительство, какой бы ни был его состав»,⁹³ — заявил орган монополистов.

Но когда дело дошло до формирования второго коалиционного правительства, то в ходе переговоров с Керенским, взявшим на себя после отставки кн. Львова обязанности главы правительства, кадеты потребовали введения в его состав, помимо членов своей партии, представителей крупной буржуазии.⁹⁴ В свою очередь последняя, действуя по стовору с выполнявшими ее волю «внепартийными» кадетскими политиками, согласна была для начала «применить свои знания и опыт... в области управления торговлей и промышленностью, финансами и путями сообщения».⁹⁵

В специальном меморандуме, представленном от имени Совета съездов представителей промышленности и торговли и Всероссийского союза торговли и промышленности Керенскому, были выдвинуты условия, на которых монополисты готовы были войти в новое правительство. Требования полноты власти Временному правительству, которое «не делит ее ни с какой общественной, классовой или политической организацией» (читай: Советами), и установления «твердой власти» на местах⁹⁶ являлись гвоздем меморандума. Иначе говоря, монополистический капитал продолжал ту же линию, стремясь навязать Временному правительству

⁹² Утро России, 1917, 9 июля.

⁹³ Промышленность и торговля, 1917, № 34—35, стр. 141.

⁹⁴ П. Н. М и л ю к о в. История второй русской революции, т. I, вып. 2, стр. 26.

⁹⁵ Речь, 1917, 16 июля.

⁹⁶ Там же.

свою неприкрыто контрреволюционную политику, которая могла только ускорить разочарование масс в коалиции и приблизить крах этого последнего козыря буржуазии.

В случае принятия этих условий, бесспорных как для Керенского, так и для эсеро-меньшевистских политикапов, монополисты рассчитывали поставить политику и деятельность Временного правительства под свой непосредственный контроль. Тем не менее соглашение между Керенским и кандидатами банков (Кутлер, Третьяков) не было достигнуто, ибо Временное правительство и эсеро-меньшевистские лидеры, чувствуя свою слабость, были не в состоянии в обстановке растущего революционного подъема осуществить немедленную расправу с народом.

Новое коалиционное правительство, сформированное 24 июля во главе с Керенским, было создано, как того и добивалась буржуазия, на основе независимости его от Советов, но зато при сохранении зависимости от кадетов и монополистического капитала. Формально большинство в нем составляли министры-«социалисты» (8 из 15 членов правительства), но фактически, по признанию Милюкова, «действительный перевес в кабинете безусловно принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии».⁹⁷

Но такое правительство, в котором в роли защитников и строителей буржуазной диктатуры подвизались «социалисты», не удовлетворило буржуазию и прежде всего ее монополистические верхи. Буржуазия чувствовала, что в изменившихся в ее пользу посленюльских условиях коалиционное правительство, находившееся к тому же в состоянии хронического министерского кризиса, по своему составу не отвечало задаче скорейшего удушения революции. «Те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать»,⁹⁸ — так выразил Рябушинский тоску монополистического капитала по собственному правительству. К тому же революция, набиравшая силы после временного поражения, обрекала правительство Керенского на бессилие.

В поисках выхода из положения оно вступило на путь бонапартистской политики. Бонапартистскими приемами лавирования «между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга»,⁹⁹ Керенский пытался создать видимость борьбы с «крайностями» слева и справа, проводя на

⁹⁷ П. Н. М и л ю к о в. История второй русской революции, т. I, вып. 2, стр. 44—45.

⁹⁸ Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 7.

⁹⁹ В. И. Л е п и ц. Начало бонапартизма. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 200.

самом деле политику кадетов, т. е. контрреволюционной буржуазии. Фактически в реальной жизни и коалиционное правительство и монополистическая буржуазия во главе с кадетами шли к одной и той же цели — к утверждению неограниченной диктатуры капитала. Но правительство подвигалось к ней не прямо, а исподволь, не сразу, а постепенно, не открыто, а по-бонапартистски, стремясь накопить силы для нового удара по революции в удобный для себя момент.

Монополистическая олигархия, никогда не питавшая сочувствия к таким более тонким приемам борьбы с революцией, окончательно утрачивает веру в способность Временного правительства разгромить революционные силы. В связи с этим она открыто (в известной речи Рябушинского на торгово-промышленном съезде) угрожает ему лишением кредита, надеясь этим активизировать его антиреволюционную деятельность.¹⁰⁰

Но самое главное в политике монополистической буржуазии состояло в том, что она (по-видимому, уже со второй половины июля 1917 г.) делает ставку на контрреволюционный переворот. Состоявшийся в начале августа 1917 г. в Москве Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд открыто, как сообщала большевистская печать, «изъявил притязание на верховную власть».¹⁰¹ В те же дни центральная банковская организация — Совецание представителей акционерных коммерческих банков — выдвигает вопрос об утверждении «в центре и на местах твердой власти, могущей бороться с незаконным вмешательством общественных организаций в экономическую жизнь» во главу угла, не связывая его решение с деятельностью Временного правительства.¹⁰²

Все точки над «и» поставили монополисты Юга. Они, предвосхищая выступление генерала Каледина на Государственном совещании, прямо заявили о необходимости лишить «разного рода Советы», присвоившие себе в Донбассе «функции правительственной власти», «узурпированной ими власти», и заодно ввести деятельность заводских и рудничных комитетов «в законные рамки» или «совершенно их уничтожить». Такого рода мероприятий, по их мнению, можно было ожидать «только в связи с общим политическим оздоровлением страны и введением действительного правового строя при наличии сильной власти».¹⁰³

Задачам подготовки контрреволюционного переворота капитал подчиняет все свои силы. Одним из первых мероприятий в этом

¹⁰⁰ См.: Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 6.

¹⁰¹ Социал-демократ, 1917, 12 августа.

¹⁰² Экономическое положение России, ч. 1, стр. 202, док. № 81.

¹⁰³ Там же, стр. 194—195, док. № 79.

плане была организация заправилами тяжелой индустрии и банков Главного комитета объединенной промышленности, который должен был стать боевым штабом контрреволюции в области экономики. Финансово-монополистическая клика, верховодившая в нем, использовала его как легальное прикрытие для создававшегося ею другого (помимо ЦК партии кадетов) центра контрреволюции.

В то же время при активной, если не решающей, роли московских промышленников и петроградских банкиров в начале августа, накануне Государственного совещания в Москве, па так называемом «малом совещании общественных деятелей» учредается Совет общественных деятелей.¹⁰⁴

В лице этого совещания и избранного им Совета общественных деятелей монополисты оформляют свой союз с царскими генералами, а также с кадетами. В состав Совета (из 34 членов), помимо лидеров кадетов, представителей офицерства и других буржуазно-помещичьих деятелей, вошли восемь виднейших представителей финансовой олигархии (А. И. Вышнеградский, И. Коган, Н. Н. Кутлер, П. П. Рябушинский и др.), причем Третьяков был избран заместителем председателя Совета (председателем был Родзянко).¹⁰⁵ Созданием этого Совета общественных деятелей буржуазия по собственному признанию ее лидеров, начала «деятельную борьбу за власть».¹⁰⁶

Совет, судя по всему, явился одним из руководящих центров по подготовке корниловского заговора.¹⁰⁷ Но помимо этого, банковские круги и непосредственно были связаны с Корниловым

¹⁰⁴ По-видимому, вовсе не случайно совещание общественных деятелей, созванное особой инициативной группой из московских кадетов и биржевиков, было приурочено к окончанию Второго Всероссийского торгово-промышленного съезда, на котором монополистические тузы демонстрировали свою лютую ненависть к революции и Советам. Само совещание общественных деятелей, состоявшееся в Москве 8—10 августа в 1917 г., представляло собой «соединение... трех элементов — торгово-промышленников, профессорской и писательской интеллигенции (в большинстве кадетов, — П. В.) и выдающихся военных авторитетов» (т. е. контрреволюционных генералов, — П. В.) (П. П. Милюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 2, стр. 112). На этом-то совещании, а не на Государственном совещании, как ошибочно полагают некоторые авторы (см.: Р. III. Гапелин и Л. Е. Мелелев, ук. соч., стр. 311) и был избран Совет общественных деятелей.

¹⁰⁵ См.: Отчет о Московском совещании общественных деятелей. М., 1917, стр. 4.

¹⁰⁶ Там же, стр. 12 (доклад кн. Трубецкого).

¹⁰⁷ Уже на самом совещании его участники курили фимиам Корнилову, изображая его «спасителем» России. В телеграмме, посланной ему 9 августа от имени совещания, заявлялось, что «вся мыслящая Россия» смотрит на него «с надеждой и верой» (Отчет о Московском совещании общественных деятелей, стр. 59).

через своих людей Завойко и Троцкого-Сенютовича, игравших видную роль в его окружении и в руководстве его политическими действиями.¹⁰⁸ На первые же известия о начале мятежа биржа реагировала 28 августа повышением всех ценностей.¹⁰⁹

С подготовлявшимся военным переворотом монополистический капитал связывал надежду на реализацию своих давнишних устремлений — создать правительство контрреволюционной диктатуры, которое способно было бы уничтожить большевистскую партию, разогнать Советы и заводские комитеты и утопить в крови пролетариата русскую революцию. Этим надеждам не суждено было сбыться. Благодаря бдительности большевиков и революционному отпору со стороны рабочих масс корниловский мятеж потерпел неудачу.

Но буржуазия не отказалась от своих контрреволюционных замыслов. Отмежевавшись после поражения корниловского мятежа от его исполнителей, монополистические круги буржуазии вновь открыто выступают на сцену, стремясь непосредственно встать у кормила государственной власти. К этому побуждали их, с одной стороны, мощный подъем революционного движения после корниловщины, большевизация Советов и громадный рост влияния большевистской партии при одновременном катастрофическом падении авторитета эсеров-меньшевиков, создавшие реальную угрозу классовому господству буржуазии. С другой стороны, политическое представительство буржуазии в лице кадетов оказалось скомпрометированным активным участием их лидеров в корниловской авантюре и не могло легально претендовать на участие в формировании нового правительства, которое должно было сменить так называемую Директорию. Дело дошло до того, что монополистические тузы буквально тащили за собой в правительство кадетских деятелей, выставив их участие в правительстве непременным условием своего собственного вхождения в него.¹¹⁰

Как ни малы были реальные силы Временного правительства, монополистические круги стремились использовать их целиком, чтобы путем установления своего непосредственного контроля над центральным органом власти попытаться вернуть те позиции, которые были утрачены в результате поражения корниловщины или сохранить и укрепить их. А главное: укрепившись в прави-

¹⁰⁸ См.: Р. Ш. Ганелин и Л. Е. Шепелев, ук. соч., стр. 309—310; История гражданской войны в СССР, т. I, М., 1938, стр. 327—328.

¹⁰⁹ См.: Рабочий, 1917, 13 сентября.

¹¹⁰ Речь, 1917, 16 сентября. Правда, Миллюков, утверждал, будто на участии представителей «торгово-промышленного класса» в последнем правительстве настаивал именно ЦК кадетов (Л. Н. Миллюков. История второй русской революции, т. I, вып. 3, стр. 13).

тельстве, можно было всячески «содействовать нарастанию контрреволюционных настроений с той целью, чтобы дать революции решительную битву при условиях более благоприятных для буржуазии, чем существовавшие в августе».¹¹¹

В свою очередь Керенский, которым кадеты, по выражению В. И. Ленина, играли, как пешкой,¹¹² и соглашательские руководители ЦИК, утратив массовую опору в народе, взяли курс на укрепление своей настоящей классовой основы путем установления открытого союза с верхами монополистической буржуазии.¹¹³

Пути «социалистов» и народных масс расходились все дальше и дальше. Массы шли влево, становясь под знамена большевиков, эсеры и меньшевики еще более круто забирали вправо, смыкаясь с контрреволюционной крупной буржуазией.

Наконец, одним из мотивов «призыва» представителей крупного капитала в правительство было стремление эсеро-меньшевистских политиканов соорудить «новую» коалицию посредством замены дискредитировавшей себя «коалиции с кадетами коалицией с торгово-промышленными Кит Китычами, Рябушинскими, Бубликовыми, Терещенками и К°».¹¹⁴

Торг Керенского с выступавшими единым фронтом кадетами и «беспартийными» промышленниками и банкирами, при ведущей роли последних,¹¹⁵ закончился созданием 25 сентября 1917 г. третьего и последнего коалиционного правительства на условиях, выдвинутых буржуазией. Среди них главными были требования решительной борьбы с «анархией», т. е. революцией, и создания «твердой» власти. Неслучайно, по сообщениям прессы, сформирование нового правительства внесло «успокоение в финансовые сферы».¹¹⁶

В состав последнего правительства помимо кадетов и «социалистов» вошли виднейшие деятели московского капитала — Коновалов, Третьяков и Смирнов, которые были известны как корни-

¹¹¹ КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Июль—ноябрь 1917 г. М., 1957, стр. 348.

¹¹² В. И. Ленин. Начало бонапартизма. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 201.

¹¹³ Любопытно, что еще до корниловщины Третьяков в речи на Втором торгово-промышленном съезде предвидел этот поворот вправо, заявив, что «Временное правительство будущего состава все же не обойдется без представителей торгово-промышленного класса. Мы пужный народ, мы нужны им, как хлеб пасущий, как воздух» (Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 13).

¹¹⁴ В. И. Ленин. Грозная катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 303.

¹¹⁵ П. А. Бурыйшкин, ук. соч., стр. 341.

¹¹⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1917, № 40, стр. 409.

ловцы.¹¹⁷ Вместе с тем их вступление в правительство являлось проявлением и подтверждением обычного для капиталистических стран «правила»: «Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр».¹¹⁸

Коновалов, вновь вернувшийся в правительство, занял пост министра торговли и промышленности с «добавлением» второго по значению после главы правительства поста заместителя министра-председателя.¹¹⁹ Третьяков и Смирнов стали: первый — председателем Экономического совета, второй — государственным контролером.

Это означало, что московская буржуазия, не доверяясь целиком кадетам, а тем более эсеро-меньшевикам, решила попытаться еще раз использовать государственную власть, чтобы остановить и разгромить революцию.

Хотя последнее Временное правительство оставалось коалиционным, в действительности его коалиционный характер был фикцией, едва прикрывавшей почти однородно буржуазный характер правительства Керенского—Коновалова. Характерно, что сам Милюков должен был признать, что состав третьего коалиционного правительства был, «считая даже и „министров-социалистов“, более умеренным, чем состав первых двух коалиций».¹²⁰

Буржуазия, в особенности монополистическая, давно уже разучилась в коалиции как средстве спасения от революции, и ценовые члены нового министерства также «не возлагали более никаких надежд на коалицию».¹²¹ Теперь буржуазное большинство правительства (11 из 17 человек), отбросив всякое приличие, открыто диктовало ему свою волю.

Коновалов, Третьяков и Смирнов, сплотившись, по свидетельству Милюкова, вместе с кадетскими министрами (Кишкин, Карташев) в «тесно сблизившийся между собой кружок», к которому

¹¹⁷ Третьяков, как известно, фигурировал в числе кандидатов в состав правительства, наметавшегося Корниловым (см.: История гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 335).

¹¹⁸ В. И. Ленин. Банки и министры. Сочинения, т. 24, 4-е изд., стр. 96. Третьяков и Смирнов являлись видными монополистическими дельцами. Третьяков — член совета Московского банка, председатель или член правления пяти крупных текстильных (льняных) предприятий, председатель Московского биржевого комитета. Смирнов — один из владельцев и член правления товарищества Ликинской мануфактуры, член совета общества хлопчатобумажных фабрикантов и заместитель председателя Московского областного военно-промышленного комитета.

¹¹⁹ Милюков, вопреки исторической правде, пишет, будто бы Коновалов вернулся к власти против своей воли, только по настойчивой просьбе Керенского (П. И. Милюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 3, стр. 76—77, 67). Эту же версию повторяет Набоков (см.: В. Набоков, ук. соч., стр. 81).

¹²⁰ П. И. Милюков. Россия на переломе, т. 1. Париж, 1927, стр. 112.

¹²¹ П. И. Милюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 3, стр. 67.

«в отдельных случаях» примыкал и Терещенко¹²² (бессменный с начала образования коалиции министров иностранных дел), пытались «испробовать в последний раз другой путь и другие средства, чем те, которые применялись до сих пор».¹²³ Они сконцентрировали всю деятельность Временного правительства на мобилизации всех контрреволюционных сил для разгрома возглавляемого большевиками революционного движения.

Керенский плелся у них на поводу, «говорил теперь то же — или почти то же, что и министры — кадеты»¹²⁴ и целиком выполнял их волю. Но буржуазия, еще недавно, в первые дни после корниловщины, державшаяся за Керенского (держалась, правда, по заслуживающему доверия сообщению, «с возрастающим недоверием и даже отвращением»)¹²⁵ как за единственного человека, способного спасти ее от народного гнева, теперь считала его бесполезным. По свидетельству Бьюкенена, член возглавляемого Керенским кабинета Третьяков отзывался о нем презрительно, говоря, что «он слишком социалист (!) для того, чтобы можно было надеяться, что он подавит анархию».¹²⁶ Сам Бьюкенен тоже к этому времени пришел к выводу, что Керенский «почти что сыграл свою роль».¹²⁷

Монополистический капитал, казалось, достиг своей цели. Правительство Керенского—Коновалова не только соответствовало его контрреволюционным устремлениям, но и все более приближалось по своему составу к желаемому «образцу». Но его беда (с точки зрения буржуазии) состояла в том, что оно, горя желанием разгромить революцию путем открытой гражданской войны, не имело в своем распоряжении реальных сил для достижения этой цели.

Вот почему, не ограничиваясь полным и безраздельным хозяйничанием в центральном органе власти, руководящие буржуазные круги и военщина при содействии правительства вели активную подготовку нового военного заговора, дабы предотвратить победу пролетарской революции.¹²⁸

Но почва окончательно уходила из-под ног русской буржуазии. Присутствие в правительстве последнего состава монополи-

¹²² Там же, стр. 77—78.

¹²³ Там же, стр. 76.

¹²⁴ Там же, стр. 67.

¹²⁵ Там же, стр. 5.

¹²⁶ Д. Бьюкенен, ук. соч., стр. 266.

¹²⁷ Там же, стр. 248.

¹²⁸ См.: Г. И. Журавлев. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Исторические записки, т. 56, 1956, стр. 280. К сожалению, свои ответственные положения и утверждения автор не всегда подкрепляет ссылкой на источники.

стических тузов, являвшихся, даже по характеристике Бьюкена, наиболее последовательными и твердыми сторонниками решительной борьбы с большевизмом,¹²⁹ не прибавило ему силы. Кипучая деятельность Коновалова, являвшегося одним из главных организаторов и руководителей всевозможных совещаний в военных штабах, разрабатывавших планы разгрома большевиков,¹³⁰ не могла уже ничего изменить, а лишь приближала неизбежную развязку.

Монополистические группировки одна за другой все более и более утрачивают к последнему Временному правительству в связи с этим всякое доверие. «Рассчитывать на содействие правительства бесцельно. Оно бессильно что-либо сделать и занимается лишь вечным улаживанием конфликтов»,¹³¹ — такой мотив звучит в конце сентября на заседаниях совета Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. Еще более определенно высказались магнаты тяжелой индустрии, заявив устами фон Дитмара на конференции промышленников Юга России (20—24 сентября 1917 г.), что «у нас нет правительства, нет власти».¹³² Московские толстосумы, делегировав своих представителей в состав последнего правительства, сами, однако, уже не верили, что этим «можно еще спасти положение».¹³³ Третьяков за неделю до свержения Временного правительства на одном из его заседаний констатировал: «Настроение в Москве (он имел в виду торгово-промышленные круги, — П. В.) к Временному правительству отрицательное».¹³⁴

Монополистическая буржуазия надеялась лишь на создание «сильной» власти путем государственного переворота и установления генеральской диктатуры. Такое отношение буржуазии к своему собственному правительству было несомненно отражением глубочайшего кризиса верхов, а следовательно, одним из основных показателей революционной ситуации.

С другой стороны, в самом правительстве росли настроения пессимизма на почве сознания своего бессилия, также являвшиеся симптомом того же кризиса верхов. Так, например, при обсуждении на заседании Временного правительства вопроса о железнодорожной забастовке, объявленной 22 сентября 1917 г., министр труда меньшевик Гвоздев в ответ на предложение МИД (по-ви-

¹²⁹ Д. Бьюкенен, ук. соч., стр. 266.

¹³⁰ См.: К. Рябикский. Революция 1917 года (Хроника событий). М.—Л., 1926, т. V, стр. 111, 150.

¹³¹ Журнал заседания Совета общества, 22 сентября 1917 г.: ЦГАОР, ф. Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, оп. 1, д. 7, лл. 53—54.

¹³² ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 187.

¹³³ П. А. Бурыйский, ук. соч., стр. 343.

¹³⁴ Исторический архив, 1960, № 5, стр. 84.

димому, Терещенко) «начать аресты и увольнения» заявил, что «у нас сил нет».¹³⁵ Военный министр генерал Верховский, подавая 18 октября 1917 г. прошение об отставке, мотивировал его тем, что «Временное правительство не пользуется нужным доверием масс».¹³⁶

Таким образом, история не оставила русскому монополистическому капиталу времени для создания «твердой» буржуазной диктатуры ни путем укрепления власти в руках Временного правительства, ни путем государственного переворота с целью реставрации монархии. Напротив, активная роль монополистических кругов в организации государственной власти в период 8-месячного господства буржуазии лишь ускорила его неизбежный крах, ибо именно эти круги были той главной силой, которая противилась буржуазно-демократическим реформам и толкала Временное правительство на быстрее развязывание гражданской войны против большинства народа, не считаясь с последствиями такой авантюристической политики.

Органическая слабость государственной машины Временного правительства была, с одной стороны, отражением слабости самой буржуазии как класса, а с другой — показателем силы революции. Глубокий и длительный кризис власти, наиболее ярко проявлявшийся в так называемой министерской чехарде, свидетельствовал прежде всего о силе революции, обрекавшей на неудачу все правительственные комбинации.

Характерным штрихом и внешним выражением отмеченной слабости буржуазии является измельчение ее политических и государственных деятелей в составе правительства от одного кабинета к другому. Если «первое послереволюционное правительство заключало в себе цвет России»¹³⁷ (разумеется, буржуазно-помещичьей России), то в последующих правительствах буржуазия была представлена, как правило, второстепенными, на редкость бледными фигурами, негодившимися даже с ее точки зрения для роли «спасителей» России. То же самое следует сказать о «государственных» деятелях из эсеро-меньшевистского лагеря.

Надо особо отметить, что эсеры и меньшевики сделали максимум возможного для укрепления и сохранения диктатуры буржуазии. Дело дошло до того, что в самый канун Октябрьской революции, как признал Милюков, создалось парадоксальное положение: буржуазная республика защищалась «одними социалистами умеренных течений», утратив в то же время «последнюю

¹³⁵ ЦГАОР, ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 2.

¹³⁶ Исторический архив, 1960, № 5, стр. 85.

¹³⁷ Отчет о Московском совещании общественных деятелей, стр. 9 (доклад кв. Трубецкого).

поддержку буржуазии».¹³⁸ Такое признание, однако, не помешало ему вину за революционное крушение капитализма в нашей стране возложить на эсеров и меньшевиков.¹³⁹ Между тем ясно, что русская буржуазия, не имевшая никаких связей с народом, без соглашательской опоры не продержалась бы и несколько дней. И только политическая отсталость не позволяла ей «по достоинству» оценить эти «заслуги» эсеров и меньшевиков.

К октябрю 1917 г. русская буржуазия в борьбе за власть исчерпала все свои силы и была свергнута пролетарской революцией.

* *

*

Подведем краткие итоги изложенному.

1. Временное правительство, созданное при активном участии руководящих монополистических кругов, было центральным органом политического господства всего класса капиталистов и слившихся с ними помещиков. Вместе с тем оно являлось правительством финансово-монополистической верхушки, поскольку последняя воплощала в себе экономическое господство всего класса капиталистов и политически доминировала в буржуазной среде.

2. Двоевластие, как специфическая особенность второй буржуазно-демократической революции в России, с самого начала деятельности Временного правительства осложнило и подорвало политическое господство буржуазии, поставив под угрозу самую возможность его длительного сохранения. Поэтому красной нитью через всю политику буржуазии и Временного правительства проходит стремление к установлению «твердой» власти, т. е. неограниченной буржуазной диктатуры. При этом монополистический капитал, борясь в рядах общего буржуазно-помещичьего фронта за эту цель, был наиболее реакционной силой и занял ранее других фракций буржуазии откровенно контрреволюционные позиции.

3. В борьбе за утверждение и укрепление буржуазной диктатуры выявилось различие в подходе к решению этой центральной задачи между отдельными политическими и монополистическими группировками, и главным образом между монополистическим капиталом и Временным правительством. Возникшие на этой основе разногласия были «домашней ссорой» внутри одного контрреволюционного буржуазно-помещичьего и соглашатель-

¹³⁸ П. Н. Миллюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 3, стр. 7.
¹³⁹ Там же, вып. 1, стр. 112, 117; вып. 2, стр. 6—7; вып. 3, стр. 5—6.

ского блока и сводились к внутренней борьбе между его участниками за тот или иной метод контрреволюционной политики. Не имея существенного значения, эти разногласия, тем не менее, сыграли свою роль, ибо подрывали изнутри единство контрреволюционного фронта, раскалывали его перед лицом сплоченных сил пролетарской революции.

4. Монополистические круги, наряду с военщиной и кадетскими главарями, были той средой, где вынашивались планы контрреволюционного переворота и ликвидации республиканского строя. Победоносная пролетарская революция сорвала осуществление этих планов.
